

Такъ соловей въ ночной тиши
 Поетъ для горестной души;
 Такъ Аббадонъ Уриль
 Во тьмѣ геенны говорилъ...
 Глаза печальные мои
 Слезу пріязни и любви
 Въ твоихъ замѣтили очахъ:
 Ты любишь самъ меня—но, ахъ!
 Твое участіе ко мнѣ,
 Какъ легкій пепелъ на огнѣ,
 На мигъ возникнетъ, оживетъ
 И вмѣстѣ съ вѣтромъ пропадетъ!
 Я не виню тебя,—жестокъ
 Ко мнѣ не ты, а злобный рокъ;
 И ты простишь въ пылу страстей
 Обидной вольности моей—
 Я снова узникъ и солдатъ!..
 Вотъ тайный даръ моихъ стиховъ...
 Проникни въ силу этихъ словъ,
 Прочти; коль вздумаешь, спиши,
 И не забудь меня въ глуши...
 Когда-жъ забудешь,—Богъ съ тобой!
 Но знай, что я навѣки твой...

Спасскія казармы, 1828 года.

Ты хочешь, другъ, чтобы рука
 Временъ прошедшихъ чудака,
 Вооруженная перомъ,
 Черкнула снова кой-о-чемъ...
 Увы! старинный даръ стиховъ,
 И слѣдъ сатиръ, и острыхъ словъ
 Исчезли въ буйной головѣ,
 Какъ слѣдъ Дріады на травѣ
 Иль запахъ розы молодой
 Подъ недостойною пятой!..
 Поэтъ плѣнительныхъ страстей
 Сидитъ живой въ когтяхъ чертей,
 Атласныхъ ручекъ не поетъ
 И чуть по-волчьи не реветъ...
 Броня сермяжная и штыкъ—
 Удѣлъ того, кто былъ великъ
 На полѣ перьевъ и чернилъ: